
ПОЛИТИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Е.Е. Гришнова

Кафедра политологии
МГТУ им. Н.Э. Баумана

2-я Бауманская ул., 5, Москва, Россия, 105005

Статья посвящена анализу взаимосвязи сфер политики и права. Автор рассматривает теоретические основания взаимосвязи этих двух сфер, конститутивных для общества. В статье утверждается, что уровень правовой культуры населения напрямую влияет на его социально-политическую активность. Автор опирается на статистические данные для оценки правовой культуры россиян.

Очевидно, что политика и право очень тесно взаимосвязаны между собой, поскольку они выполняют немало социальных функций. Политика и право также взаимозависимы, поскольку уполномоченные органы государственной власти утверждают правовые нормы и формируют правовую систему общества. Так, известный немецкий политический философ XX века К. Шмитт, рассуждая о повседневной взаимосвязи этих двух социальных явлений, отмечал: «Государство ограничивается исключительно производством права» [14. С. 40]. Это утверждение трудно оспорить, так как, например, в Конституции РФ четко определено, что федеральные законы принимаются Государственной Думой, которая входит в структуру органов госвласти.

В то же время вся политическая жизнь современного общества, так или иначе, оформляется и закрепляется правом (во всяком случае, ее публичная часть). Далеко не случайно в 1908 г. российский философ Е. Трубецкой писал: «Само государство есть по своей сути правовая организация» [13. С. 17]. Однако большинству граждан современной России право представляется как набор норм и правил, которые им мало известны и зачастую, кроме этого, еще и непонятны.

Полагаем, что актуальную для современного российского общества проблему правового нигилизма большинства граждан довольно четко отметило политическое руководство нашего государства. Так, выступая на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008—2020. Управление ростом», Президент России Д. Медведев отметил, что свобода неотделима от фактического признания гражданами власти закона. Это подразумевает не хаос, а уважение к принятому в стране порядку. Верховенство закона, далее констатировал Д. Медведев, должно стать одной из наиболее значимых наших ценностей.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в марте 2008 года анализировал, куда россияне обратятся за помощью в случае нарушения их прав, какие именно правонарушения они считают достаточным поводом для обращения в суд и решение каких вопросов респонденты доверят исключительно ему.

В итоге оказалось, что судебные органы воспринимаются значительным числом респондентов как наиболее предпочтительный гражданский институт вос-

становления нарушенных прав. Так, треть опрошенных россиян (34%) указывают, что в случае нарушения их прав они обратятся за помощью в суд. На втором месте среди инстанций, где респонденты будут искать защиты, — это милиция (20%) и прокуратура (19%). Однако немало и тех, кто намерен восстанавливать свои права, используя неформальные методы — помощь знакомых (влиятельных людей, покровителей — 15%), самостоятельное решение проблемы (14%). При этом 13% опрошенных россиян намерены апеллировать к вышестоящим инстанциям. Менее популярны будут обращения в местную администрацию (9%), к правозащитникам (9%), к Уполномоченному по правам человека (6%) [3].

Кроме этого, исследование показало, что россияне обратятся только в суд в случае, если им будет необходимо решать вопросы, связанные с жильем (так поступят 42% опрошенных). Далее с заметным отставанием следует решение конфликтных ситуаций из-за имущества (29%). Еще реже россияне готовы обращаться в суд в случае невыплат им зарплат и пенсий (18%), трудового конфликта (14%), защиты от недобросовестных чиновников (11%). Так называемые социально-бытовые конфликты — в школе, больнице, жилищно-коммунальной службе, с недобросовестными соседями — считают поводом для обращения в суд примерно 4—6% россиян. Вместе с тем 11% респондентов указывают, что пойдут в суд в любом из перечисленных случаев, а 8%, напротив, ни в одной из этих ситуаций (см. табл. 1).

Таблица 1

С решением какого вопроса Вы обратитесь только в суд? (%)

Жилищный спор (раздел жилья, обман инвесторов, права собственности и т.п.)	42
Конфликт из-за имущества (машина, дача, гараж и т.п.)	26
Невыплата зарплаты/пенсии/пособия	18
Трудовой конфликт	14
Защита от недобросовестных чиновников (ошибка чиновников)	11
Нарушение потребительских прав	9
Оскорбление, клевета, ущерб репутации	9
Защита от недобросовестных соседей	6
Конфликт в школе/больнице/жилищно-коммунальной службе	4
В любом из этих случаев я обращусь в суд	11
Ни в одном из них	8
Другое	1
Затрудняюсь ответить	16

Сама по себе готовность/неготовность обращения граждан в суды для разрешения тех или иных вопросов, скорее всего, характеризует уровень их правовой культуры. Ведь многие россияне в настоящее время мало доверяют не только судам или судебной власти. Наверно, объективно сложно ожидать иного отношения граждан к власти, государственным институтам и их действиям.

Правовая культура еще в советское время рассматривалась в двух основных аспектах: как определенное идейно-правовое состояние социума на том или ином этапе развития общества [4. С. 17] или как совокупность знаний о праве, умение применять закон в повседневной жизни, уважать его и, в конечном итоге, как практическое соблюдение норм права [1. С. 176]. При этом обратим внимание на тот

факт, что правовая культура — это не только и не столько знание законов и норм, сколько их практическое выполнение и соблюдение. Поэтому совершенно справедливо ученый А. Бабенко характеризует правовую культуру как «...степень овладения правом в действии, в частности, самосознание, ответственность в реализации требований норм права; творческую ориентацию на общечеловеческие ценности и нормы национальной культуры в противоречивых правовых ситуациях, предполагающую в своем высшем проявлении интуитивное правовое поведение, участие в правотворчестве» [2. С. 12].

Когда право осознается гражданами как личная ценность и социально-правовая активность личности направлена на реализацию правовых норм в повседневной деятельности, то можно утверждать о наличии правовой культуры личности. Если же личность либо по незнанию, либо в силу неуважения к праву и негативной правовой направленности совершает противоправные деяния, то можно говорить о степени развитости или неразвитости ее основных правовых качеств (например, знаний, поскольку известно, что в ряде случаев преступник имеет больший объем знаний в относительно узкой области своей «специализации», нежели законопослушный обыватель), но никак не о его правокультурном комплексе. Поэтому правовая культура личности — это необходимая предпосылка и созидательное начало правового состояния общества, его цель и составная часть. Вместе с тем это степень и характер правового развития самой личности, которые находят выражение в уровне ее правомерной деятельности.

Правовая и политическая культуры тесно взаимосвязаны. По мнению исследователя Н. Разумовича, «...представления древних греков о разумной человеческой справедливости, которая не нуждается в насильственном, принудительном насаждении, нашли свое практическое преломление в их социальной (политической, правовой) культуре» [10. С. 8]. Далее он отмечал, что назначение культуры у древних греков состояло в содействии гармоническому духовному, физическому, умственному и профессионально-трудовому развитию — человека, а также политическому и нравственно-духовному развитию — гражданина. Уже тогда передовыми мыслителями была замечена зависимость формирования и развития человеческой личности от общества и его социокультурных (социальных, политических, экономических и иных) особенностей и механизмов.

В XX веке практически эту же мысль в своей работе «Социальная и культурная динамика» высказал знаменитый социолог Питирим Сорокин. Он утверждал, что «...тип личности, ее менталитет и поведение... почти полностью зависят от социокультурной среды, а биологическая конституция индивида только ограничивает действие социокультурных факторов» [15. С. 110—120]. Впоследствии исследователь Н. Кейзеров также отмечал, что политика и право наряду с общими принципами, совпадающими целями, общностью исторических судеб имеют различные социальные функции, что сказывается на соответствующих им разновидностях культур. Он полагал, что отличие правовой культуры от политической состоит, прежде всего, в особенностях правотворческой и правоисполнительной деятельности, в специфике формирования и функционирования правосознания личности, в специфике правовых норм и правоотношений, а также в особенностях распространения, освоения и реализации людьми правовой информации.

Полагаем, что взаимодействие права и политики может быть вполне продуктивным, но для этого нужно уметь в различных социально-политических условиях находить оптимальный баланс между ними. Такой баланс, как правило, достигается в том случае, если политика является правовой. Сам термин «правовая политика» свидетельствует, прежде всего, о том, что оба рассматриваемых феномена диалектически взаимосвязаны, вектор их развития един и одновременно способствует развитию социума. Вместе с тем, если политика — есть искусство возможного и целесообразного, то право — это искусство добра и справедливости. Но эти их формы и функции вовсе не противоречат (во всяком случае, не должны противоречить) друг другу, поскольку оба феномена имеют социальный характер и функционируют в обществе.

Так, исследователь В. Лопатин довольно удачно, например, показал, что «плохо, когда политика остается вне права, а право — без политики» [7. С. 27]. Следовательно, они всегда должны подкреплять друг друга. Право же в таком случае есть способ легитимации и вместе с тем форма выражения и осуществления политики, а политика через институты государственной власти и принимаемые ею законы гарантирует определенную меру свободы и ответственности личности, легализует ее права и интересы.

Размышляя над различными аспектами взаимодействия политики и права, приходим к выводу о том, что, по всей видимости, в научных целях можно искусственно разделить их на повседневное взаимодействие/взаимовлияние и на сугубо теоретическое. Если на тему повседневного взаимовлияния политики и, в первую очередь, государства на право и правовую систему написано немало научных и публицистических работ (среди зарубежных авторов отметим, например, работы С. Иоргенсена, Н. Лумана, К. Маннгейма, П. Маттика, С. Нагеля, А. Найта, П. Сандевуара, Ф. Селзника, Р. Унгера, Ф. Хайека, Л. Фридмена, Л. Фуллера, Р. Циппелиуса, С. Шейнгольда и многих других), то теоретико-методологическая проработка данного взаимодействия пока является, скорее всего, эксклюзивом.

Так, немецкий философ К. Шмитт полагал, что существование государства доказывает на деле свое несомненное превосходство над действием правовой нормы, так как государственное решение освобождается от любой нормативной ответственности и становится в собственном смысле слова абсолютным. В работах К. Шмитта, пожалуй, как ни у какого другого автора, довольно подробно и обстоятельно анализируются различные стороны «политического» как феномена (в том числе и его правовые грани). По этому поводу он пишет о том, что, скорее, политическое появляется там и тогда, когда есть неурегулированные правом коллизии. Например, когда не решены вопросы суверенитета, то есть когда кроме высшей власти некому принимать решения, то тогда возникает потребность в политическом нормировании. Поэтому в своей книге «Политическая теология» он специально посвящает данной проблеме целую главу под названием «Проблема суверенитета как проблема правовой формы и решения» [14. С. 30—56].

В этой работе К. Шмитт поставил целый ряд дискуссионных вопросов: «В чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция? Кто компетентен в тех случаях, когда правопорядок не дает

ответа на вопрос о компетенции?». И сам же дает такой вариант ответа: «Суверенен лишь тот, кто принимает решение о чрезвычайной ситуации». При этом он ссылается на мнение Ж. Бодена о том, что полномочие прекратить действие закона — это, действительно, подлинно отличительный признак суверенитета.

На наш взгляд, немецкий философ выдвинул, хотя, может быть, и не новые, но весьма прогрессивные взгляды, когда указывал, что: «... сочетание фактической и правовой высшей власти является основной проблемой понятия суверенитета... В современном социуме власть должна принадлежать праву, а не государству. Мы можем и далее допускать, что, как и встарь, признаком государства вновь и вновь будут называть власть и что понятие этого государства будет определяться как явление власти — но с тем единственным условием, что в отношении этой власти признается, что она обнаруживает себя в праве и не может осуществляться никак иначе, чем, вводя в действие правовую норму».

Насколько такое пожелание К. Шмитта осуществимо в современных условиях в реальной жизни? Видимо, понимая, что его взгляды не могут быть реализованы на практике «здесь и сейчас», немецкий философ рассматривал их в связи с состоянием современного социума, когда отмечал: «Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок. Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном становится тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние. Всякое право — это «ситуативное право». Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в тотальности (политическое всегда тотально). Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета, который юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия решения. Исключительный случай выявляет сущность государственного суверенитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы и авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь на это право».

Таким образом, немецкий философ довольно четко обозначил ключевую теоретическую проблему политико-правового взаимодействия. А именно: в социуме политическое появляется там и тогда, когда государство что-то не «отрегулировало», не «досоздало» в праве (а предусмотреть все конкретные, а тем более, возможные ситуации и под каждую из них создать необходимую правовую норму невозможно в принципе) и при этом возникают вопросы, одновременно касающиеся всего социума и требующие принятия монопольного решения. К таким проблемам К. Шмитт относил, прежде всего, вопросы суверенитета (то есть силы и бессилия самого государства) и компетенции государственной власти.

При этом необходимо отметить, что вопрос о повседневном-прикладном соотношении политики и права также не является таким простым, как это могло показаться на первый взгляд. В его трактовке постоянно допускались ранее и допускаются в настоящее время разного рода «уклоны», перекосы и конъюнктура. В частности, на протяжении фактически нескольких десятилетий право рассматривалось, например, в нашей стране, главным образом, в утилитарно-прагматическом ключе — как атрибут, инструмент, орудие, рычаг власти, как способ юри-

дического оформления партийно-политических решений, а не как самостоятельная, общегуманитарная, социальная и культурная ценность.

Поэтому в общественном сознании советского периода прочно усваивался тезис о второстепенной и нерешающей роли права. Главными при этом считались экономика, политика, идеология, партийные установки и лозунги, а вовсе не правовые ценности, юридические начала и законность. Более того, право чаще всего воспринималось как приказ «начальства», как указания политических вождей, как предписания сверху. И только в редчайших случаях — как институт, способный эффективно защитить гражданина от произвола, стоящий на страже личности, ее чести, достоинства и безопасности. Тем более что право не мыслилось в качестве силы, способной ограничить, «обуздать» государственную власть; ведь не признавалась даже сама идея правового государства.

Право было до предела политизировано и идеологизировано, а иначе и быть не могло, поскольку в нашей стране, особенно в первой половине XX века, даже государство рассматривалось в качестве продукта классовой борьбы. Поэтому далеко не случайно В. Ленин писал в своей программной работе «Государство и революция» о том, что: «...существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [6. С. 14—15]. Соответственно, и право, вслед за государством, должно было не способствовать примирению классов (это примирение вначале К. Маркс, а затем и В. Ленин назвали утопией), а быть на стороне самого передового класса — пролетариата в его борьбе за разрушение этого самого государства.

Следовательно, если политика и идеология ставились во главу угла в действиях государства, то право было призвано лишь помогать обеспечивать очередную политическую линию или кампанию. Хотя некоторые специалисты полагают, что в нашей стране фактически существовала политическая юстиция. Так, исследователи В. Кудрявцев и А. Трусов отмечают, что: «...политические репрессии осуществлялись хорошо организованной, разветвленной политико-юридической системой страны — органами госбезопасности, внутренних дел, революционными, а затем и военными трибуналами, общими судами, прокуратурой. Действовали эти органы и учреждения преимущественно на основании нормативных актов, то есть осуществляли правоприменительную деятельность, принимали юридически значимые решения» [5. С. 4].

Но ситуация в отечественной науке за последние годы начинает кардинально меняться. Более того, следует отметить, что проблема сочетания политики и права привлекает к себе в настоящее время довольно пристальное внимание ученых, причем как политологов, так и юристов. Появились заслуживающие внимание публикации, например, стал издаваться специальный журнал «Право и политика». Столь повышенный научный интерес к данной проблеме объясняется, прежде всего, тем, что в современных условиях довольно резко возросла роль как самой политики и политического сознания, так и непосредственно права, правовых институтов в развитии социума.

Современное общество, конечно, нуждается в усилении организующих начал, в более четких нормативно-правовых ориентирах своего развития. Между

тем вполне очевидно, что многие аспекты политики и политической жизни, по всей видимости, еще не получается полностью нормировать и привести к четким нормам права (во всяком случае, в ближайшей перспективе) в силу имманентного творческого характера политической деятельности. На сегодняшний день многие аспекты взаимодействия политики и права остаются пока довольно слабо разработанными в теоретическом плане и поэтому требуют дальнейшего своего исследования.

Безусловно, в настоящее время в нашей стране нужна сильная, дееспособная государственная власть. Но не менее, а, может быть, даже и более ей нужны сильные, эффективные законы, которые бы все соблюдали и которые бы связывали, «держали в границах порядка» саму политическую власть, если вести речь о правовой государственности, о гражданском обществе. Именно в этом должен заключаться главный смысл юридической политики. Конечно, право всегда предполагает некий принудительный аспект, оно должно опираться на твердую, легитимную и авторитетную власть. С другой стороны, и сама власть, официальная политика призваны уважать и защищать право, эффективно использовать его возможности в интересах общества и граждан.

Диалектика взаимосвязи и взаимодействия политики и права имеет множество аспектов как в теоретическом плане, так и в практическом. Влиянию политики, так или иначе, подвержена и деятельность правоохранительных органов. Поэтому в данной связи не совсем корректными выглядят многочисленные заявления некоторых работников юридической сферы (судей, прокуроров, следователей, приставов, налоговиков, представителей спецслужб) о том, что они априори «вне политики», вообще «не интересуются политикой», всегда «держатся подальше от политики» и т.п. Очевидно, что в настоящее время специально подчеркивать свое дистанцирование от политики стало своего рода модой, своеобразным признаком «хорошего тона». Однако в этих настойчивых заверениях, по всей видимости, присутствует изрядная доля лукавства, поскольку абсолютное и категоричное открепивание от политики тоже есть своего рода политика, ведь еще Н. Макиавелли утверждал, что «...если вы не будете заниматься политикой, то политика займется вами».

В реальности же так оно чаще всего и происходит. Ведь представители юридической сферы, борясь с преступностью, на деле реализуют государственную политику, претворяют в жизнь те юридические предписания и законы, в которых выражена политическая воля государства. Именно они и являются одними из основных проводников этой воли. Кроме того, они вместе с личным составом вооруженных сил непосредственно участвуют в обеспечении национальной безопасности, в наведении конституционного порядка, иногда в перделе собственности и других силовых акциях госвласти.

Очевидно, что события осени 1993 года (период активной фазы противостояния президента и парламента страны), вооруженный конфликт в Чеченской Республике и последовавшая затем антитеррористическая операция — все эти и многие другие действия органов государственной власти (в том числе и судебной) и силовых структур — могут быть в совокупности также охарактеризованы

как политика. Так, по мнению политологов А. Малашенко и Д. Тренина, «...неудачи в Чечне 1994—1995 гг. сделали действия власти и силовиков устойчивым политическим фактором, воздействующим на расстановку сил внутри государства» [8. С. 18—19].

Становление общероссийского правового пространства невозможно без целенаправленной и эффективной государственной политики, равно как и формирование права и всех его институтов. А единое устойчивое правовое пространство служит необходимой предпосылкой для последовательного проведения конструктивной федеральной политики и во многом определяет ее. В итоге всего этого одновременно действуют как бы два встречных позитивных процесса, когда политика и право диалектически дополняют друг друга в решении общей социальной задачи. И здесь нет объективных условий для их какого-либо противопоставления, поскольку от правового хаоса политика страдает не меньше, чем право — от произвольной политики. Политика, политические институты, как правило, имеют правовую институционализацию, т.е. они возникают, существуют и функционируют на основе и в рамках права, правовых идей. Более того, разумная, конструктивная, научно обоснованная политика не может быть антиправовой, поскольку в противном случае она рискует оказаться нелегитимной, противоречащей интересам народа, общества.

По своему функциональному предназначению право призвано играть роль эффективного стабилизатора политической жизни; оно должно выражать и защищать справедливость, служить преградой на пути возможных волонтаристских поползновений политических лидеров и чиновников всех рангов. Именно правовые процедуры и механизмы должны быть максимально задействованы для нахождения разумного консенсуса, определения путей мирного разрешения возникающих социальных конфликтов. Поэтому, конечно, не случайно представитель русской юридической мысли В. Соловьев определял право как «принудительное требование осуществления добра или порядка, не допускающего известного проявления зла» [11. С. 36]. Иными словами, право — это эффективная преграда на пути социального зла и, в то же время, проводник и заступник всего лучшего в человеке и обществе. Поэтому основополагающей чертой правовой политики является ее органическая связь с правом, диалектическая связанность правом.

В свое время бывший помощник Президента РФ по правовым вопросам М. Краснов довольно удачно, на наш взгляд, назвал право «клеткой для власти». Это наиболее точное афористичное определение права, поскольку именно правовая система призвана удерживать власть от возможного произвола и силовых рефлексов. Это связано именно с тем, что власть имеет тенденцию к выходу из-под любого контроля, юридической регламентации, подчинения каким бы то ни было нормам и правилам. Писатели-фантасты А. и Б. Стругацкие в романе «Град обреченный» замечательно описали суть бесконтрольной власти: «Великий стратег отказался от всяких рамок. Он стал великим потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет в нужный момент отказаться от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а если понадобится — отказаться

и от них» [12. С. 134—135]. Поэтому именно право, законы должны вводить власти в нормативные «рамки», призывать к порядку и самоограничению. Право, таким образом, — это метод, средство и одна из сфер (поле) реализации публичной политики государства.

При нормальном положении вещей право и политика вполне могут выступать как союзники, тесно взаимодействовать между собой, «сотрудничать», помогать друг другу в достижении общих социальных целей. Однако это возможно лишь в том случае, если политика находится и развивается в правовом русле, осуществляется, в первую очередь, правовыми средствами, отвечает идеалам права, т.е. и по своей форме и по своему содержанию является правовой. С другой стороны, и право способно оказывать благотворное влияние на политику, ее формирование и осуществление путем ее ограничения рамками единого общероссийского правового пространства.

Вместе с тем сферы политики и права могут быть и антиподами, находиться в состоянии противоборства и даже жесткой конфронтации. Как правило, это происходит тогда, когда политика выходит за существующие рамки права, когда она произвольна, субъективна и не соответствует принципам права, гуманности и справедливости, когда идеи законности подменяются политической целесообразностью, когда нарушаются права человека, допускается злоупотребление правом и т.д. В этом случае право борется с политикой, противостоит ей.

Таким образом, сущность проблемы заключается в том, чтобы всякий раз уметь находить разумный, выверенный баланс в сочетании политики и права ради достижения общих социальных целей. А такими основными целями являются: нормальное функционирование общества, мирная и достойная жизнь людей, уважение и защита прав человека, свободное развитие личности. Поэтому право и политика объективно должны и могут органично и естественным образом дополнять друг друга. Понятная социуму политика, тщательно подготовленные законы, справедливое право и активное поведение гражданина — вот те необходимые составляющие, которые в диалектическом единстве могут обеспечить необходимый результат во взаимодействии политики и права.

Следовательно, такие научные категории, как «правовая политика», «правовое государство», «правовая система», объективно должны находиться в центре внимания гуманитарных наук. В настоящее время они изучаются и далее, как мы полагаем, еще более активно должны исследоваться представителями политологии, социологии, философии, теории государства и права, общей теории управления. По всей видимости, и для правовых дисциплин эти категории представляют немалый научный и прикладной интерес.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М.: ИГП, 1966.
- [2] *Бабенко А.Н.* Правовая культура личности (философско-социологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1996.
- [3] Введение в обществознание: Учебное пособие / В.П. Лютый, Б.Н. Мальков, Н.В. Михалкин и др. — М.: РПА МЮ РФ, 2002.

- [4] *Красавчиков О.А.* Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. — 1968. — № 6.
- [5] *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. — М., 2000.
- [6] *Ленин В.И.* Теория насилия (философский бестселлер). — М.: Алгоритм, 2007.
- [7] *Лопатин В.Н.* Политика и право при обеспечении информационно-психологической безопасности // Право и политика. — 2000. — № 10.
- [8] *Малашенко А., Тренин Д.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. — М.: Гендальф, 2002.
- [9] *Обществознание. Пособие для абитуриентов / Под ред. В.Н. Князева, Л.Ш. Лазовского, Б.А. Райзберга и др.* — М.: Айрис-пресс, 2002.
- [10] *Разумович Н.Н.* Политическая и правовая культура. — М.: Наука, 1989.
- [11] *Соловьев В.С.* Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. — СПб., 1899.
- [12] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Град обреченный. — М.: АСТ, 2001.
- [13] *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. — СПб., 1998.
- [14] *Шмитт К.* Политическая теология / Перевод с нем., закл. статья и сост. А. Филиппова. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- [15] *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. — N.Y., 1941. — Vol. 4.

Интернет-ресурсы

- [16] www.vciom.ru, 5 марта 2008 г.

**POLITICS AND LAW:
THE PROBLEMS OF INTERCONNECTION**

E.E. Grishnova

The Department of Political Science
The Bauman Moscow State Technical University
2-nd Baumanskaya str., 5, Moscow, Russia, 105005

The article is devoted to the analysis of interconnection of politics and law. The authors reviews theoretical foundations of these two spheres on which the society is based upon. It is stated in the article, that the level of law culture of the people greatly affects their socio-political activity. The author bases on statistical data to evaluate the law culture of Russians.